УДК 1:(091)

В.И. Красиков

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ГИБРИДЫ: СЦИЕНТИФИКАЦИЯ ФИЛОСОФИИ В XIX-XX ВВ.

Новое время было наполнено рубежными событиями, наиболее серьезные из которых, в сфере духа – секуляризация и научная революция. Философия освобождалась от религиозного патронажа в союзе со становящимся естествознанием, идеологические интересы которого она успешно защищала, тем более, что видные деятели научной революции и передовые философы зачастую были одними и теми же лицами. Многие крупные ученые были тогда еще благосклонны к философии, ведущие представители которой (Декарт и Бэкон) провозглашали приоритет научной теории и опыта в постижении мира. Тем более, что была достигнута своего рода негласная договоренность о разделе сфер компетенции: познание природы – естественным наукам, проблемы же культуры, политики и воспитания – философии.

Однако ситуация стала стремительно меняться в ходе "университетской революции", – сначала в Германии (гумбольдтовский университет), затем в Англии, России и США – когда в качестве ее идеологии утверждались претенциозные академически-изощренные идеалистические системы (Шеллинга-Фихте-Гегеля). Последние открыто заявили претензии на верховенство и арбитраж философии по отношению к частным наукам, аргументируя это своей монополией на разработку наиболее общих категорий и вопросов познания.

Это вызвало "восстание против философии", совпавшее с радикальной дифференциацией, как естествознания, так и самой традиционной "Большой" философии, раскалывающейся в течение XIX в. на ряд новых дисциплин типа психологии, социологии, культурологии, политической науки и мн. др. Оно выразилось:

→ в попытках низвержения традиционной философии с ее пьедестала особой "сверхнауки", в показе необоснованности ее притязаний и профессиональной (научной) профнепригодности;

→ в философствовании специалистов – многие, склонные к обобщениям, ученые стали сами создавать теории – научно-философские гибриды, представлявшие собой концептуализации их дисциплинарных областей.

Связано это было с общим возрастанием уровня рефлексивности во многих, прежде только эмпирических науках, а любой вопрос, развитый на достаточно высоком уровне абстракции, сродни философской аргументации. Новые теоретики в разных науках стали разрабатывать темы, выходящие за свои традиционные рамки, "вторгаясь" тем самым на территории традиционной философии. Сами их заявки на новые области исследования часто сознательно облекались в соответствующие теоретические одежды, ибо философские кафедры расширялись и дифференцировались более беспрепятственно, нежели молодые отрасли знания.

Так в философию "мигрировали": медики-физиологи (В. Вундт, Р. Лотце, Г. Гельмгольц, Р. Авенариус), математики и логики (Г. Фреге, А. Уайтхед, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ч. Пирс, Э. Гуссерль, Р. Карнап, Г. Хан, К. Гедель), физики (Э. Мах, М. Шлик, Г. Рейхенбах, Ф. Франк, Г. Фейгл, П. Бриджмен, Т. Кун), историки, социологи и культурологи (О. Нейрат, К. Леви-Строс, М. Фуко и др.). Они инициировали появлению неокантианства, прагматизма, философии обыденного языка, феноменологии, логического позитивизма и структурализма. Или же ученые, оставаясь в своих епархиях, производили новые философские идеи – "попутно" своим новаторским разработкам (психоаналитическое движение, этология-социобиология).

Все эти процессы междисциплинарной гибридизации порождали новые необычные смешения идей и новые сети специалистов.

Наиболее явственно самодержавные притязания становящегося научного самосознания выразил *позитивизм* – широкое и влиятельное междисциплинарное движение, представители которого занимались философией в своем тематическом поле: методологии, проблем научного познания и языка, истории науки и ее основных структур. Также они культивировали максимальное сближение философствования и практики естественнонаучного познания.

Логико-формалистское направление философии и движение *анализа обыденного языка* появилось в начале XX в. – усилиями математика и логика Бертрана Рассела (1872-1970, лауреат Нобелевской премии по литературе 1950 г.). Он стал широко известным благодаря успешной работе по построению логической системы для обоснования математики (элементарной арифметики), доказав, что символическая логика является основополагающим ее языком – в капитальном трехтомном труде "Principia Mathematica" (1910, в соавт. с Уайтхедом). Затем он решил распространить логический анализ и на перестройку традиционной философии, заявив, что она была "плохой грамматикой", т.е. впадала в противоречия из-за некорректного определения либо употребления своих ключевых терминов. Смутные и туманные метафизические системы могут быть вычищены с помощью орудий, столь успешно сработавших в ма-

тематике.

Логиком, обратившим внимание на анализ естественного (обыденного) языка – с целью прояснения исходных фундаментальных средств выражения философских смыслов, стал ученик Рассела – Людвиг Витгенштейн (1889-1951). Его философское творчество – яркий пример гипостазирования логического в понимании обстояния дел в мире. Мир, его восприятие-понимание нашими чувствами-мышлением и выражение в нашем повседневном языке – составляют целостность, связанную одними общими логико-смысловыми структурами. Как граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны имеют общую структуру, так и предложение имеет общую структуру с состоянием дел, которое оно изображает.

Представление о логико-смысловых структурах языка, мышления, социума и природы, образующих собой подлинную субстанцию мира, стало центральным в *структурализме*. Методы исследования языка переносились на такие социальные явления, как мифы, системы родства, традиции, нормы и историю идей. Структурализм хотя и имел своим преддверием анализ обыденного языка, но разрабатывался уже учеными гуманитарных дисциплин: этнологом Клодом Леви-Строссом (1908-2009), психопатологом Мишелем Фуко (1926-1984) и др.

Мир – это порядок, совокупность универсальных структур, которые могут принимать как "физический" вид, так и "ментальный", но в принципе они идентичны как именно "формы". Леви-Стросс на материалах исследования социальной жизни и мифологии американских индейцев демонстрирует единство структур "языков": кровного родства, символического дарообмена, мифологического мышления и словесных выражений. Как и "мир-порядок", все формы социальной жизни, – заявляет Леви-Строс, – в основном одной природы, они состоят из систем поведения, представляющих собой проекцию универсальных законов, регулирующих бессознательную структуру разума, на уровень сознания и социализированной мысли. Эти "скрытые принципы организации опыта", "основополагающие коды любой культуры", "историческое a priori" погружены в область бессознательного, они бессубъектны и анонимны. Структуралисты выступили решительно против традиции кантовского трансцендентализма с его центрированием на креативном рефлексивном субъекте: мыслит скорее не любезное сердцу философа "я", а "Оно".

Безличные ментальные структуры Леви-Стросс называет "бинарными оппозициями", а Фуко – "эпистемами". Бинарные оппозиции – это исходно-априорные установки нашего разума на упорядочивание чувственного и мыслительного содержания по двоично-контрарной матрице (черное-белое, свет-тьма. мужчина-женщина, левое-правое, север-юг, добро-зло и пр.). "Эпистемы" – это также некие, как правило, бессознательные, схемы познания и восприятия действительности. Однако, в отличие от Леви-Стросса, Фуко полагает их историчными, т.е. присущими характерной культуре, характерному историческому времени.

Поиски культурообразующих структур приобрели фронтальный характер, обличительно-эмансипационный пафос в постструктурализме или *постмодернизме.* Концептуальное выражение этих поисков мы встречаем у теоретика литературы и философа Жака Деррида (1930-2004), попытавшимся радикально пересмотреть изначальные, идущие от греческих и библейских корней, предельные основания западноевропейской культуры.

Речь идет о *"фонологоцентризме"* западной цивилизации. "Фоно" – европейское мышление предпочитает звук письму, даже письмо здесь звуковое, имеет фонетичную основу. Сверхценность говорения, звукового выражения мысли утверждает вся философская традиция от Евангелия от Иоанна ("вначале было слово") до "Эстетики" Гегеля, где слух объявлен самым интеллектуальным из пяти чувств. Соответственно, к письму было отношение лишь как к вспомогательному средству, которое занимает подчиненное положение к звуку, являясь неадекватным его заместителем. Только в акте говорения является человеческая самость ("я"), да и само бытие ("голос бытия" Хайдеггера). История духа, полагал Гуссерль, есть история звука, а сознание – внутренняя речь "одинокой души".

"Логоцентризм" – образ умопостигаемости, преобладающий в западной философской традиции, проявляющийся в господстве некоторых общих неявных структур, представляющих собой жестко фиксированные двоичности. Имеются в виду бинарные оппозиции, или каждый раз неравноценные пары: "позитивного" члена ("свет", "верх", "добро", "мужчина", "общее", "истина") и подчеркнуто "негативного", дискриминируемого ("тьма", "низ", "зло", "женщина", "частное", "ложь"). Подобный перекос в ценностном отношении программирует нормативное смыслообразование, транслируя вековые мистификации и мифологемы. Это приводит к: а/ жестко фиксированному разделению "территории духа" на якобы радикально различные области (искусство, науку, философию, религию и пр.); б/ репрессивной организации социума (господству мужского агрессивного начала, насилия, центрирования власти).

Следует отказаться от подобного обстояния дел, вернуться к истокам языка и мышления, создать новую человеческую культуру на адекватных ее природе принципах. Для реализации этих целей Деррида предложил путь *деконструкции* (латинский перевод греческого "анализ") основ мышления и языка. Задача деконструкции – организовать "прорыв" через разрушение речевой фактуры к бытию в момент его "сцепления" с языком – для

выявления аутентичных структур текста, равно как и сопутствующих метафорических и метафизических напластований. Как правило, под деконструкцией понимается такое обращение с бинарными оппозициями любого вида (формально-логическими, мифологическими, диалектическими), при котором они разбираются, дискриминируемая их часть выравнивается по значимости с доминирующей, демонстрируется общая нейтральность ситуации и главенство в ней многомерности становления.

Влияние на философию математики, логики и физики традиционно сильно, что объяснимо их известной близостью к абстрактно-рефлексивной сфере мышления. Вряд ли можно привести примеры других наук, имеющих своим предметом ведения столь же общие аспекты реальности как фундаментально-физические (элементарные компоненты и взаимодействия) или же универсально-количественные. В XX в. к числу дисциплин, процессы теоретизации в которых приобрели характер генерирования специально-философских учений, добавились психология и этология, в рамках которых были созданы знаменитые направления психоанализа и социобиологии. Эти *дисциплинарные философии* утвердились на метатерриториях между общей социологией, философской антропологией, культурологией, психологией, этологией животных и человека.

Зигмунд Фрейд (1856-1939) всегда сознательно скромничал, определяя *психоанализ* как специальную науку о человеческой психике, опирающуюся исключительно на клинические факты. Однако сам он много работал над созданием общей "интеллектуальной конструкции" психоанализа, исходящей из установленных им же "предположений".

Фрейда не интересует мир как таковой, а только душевный мир человека. И его основой является не внешние, природные или же социальные детерминанты, а внутреннее – бессознательное. И до него существовала философская традиция онтологизации бессознательного начала в человеке – у Шопенгауэра, Шеллинга или Гартмана. В чем новизна Фрейда? В отличие от философов, бессознательное для него – не метафизическая сущность, постигаемая при помощи интуиции, а вполне конкретная область особых психических процессов, поддающаяся рациональной реконструкции. Эта глубинная область движима внутренними влечениями и формирует человеческую личность, имеющую трехсоставной характер: "оно", "я" и "сверх я".

Социобиология представляет собой философскую рефлексию над взрывообразным ростом знаний в комплексе наук о человеке и возникает после второй мировой войны. Это место, где встречаются генетики и социологи, экологи и психологи, этологи и этнографы. Наиболее известные из них: этолог Конрад Лоренц (1903-1989), энтомолог и этолог Эдуард Осборн Уилсон (1929), философ науки Майкл Рьюз (1940).

Они исследовали ранее ускользавшие от внимания философов важнейшие стороны естественной природы людей: генетические предопределенности, инстинкты, поведенческие закономерности в человеческих популяциях. Новое направление позиционировалось как систематическое исследование биологических основ общественного поведения (Уилсон).

Реальность в этой разновидности дисциплинарной философии предстает исключительно естественной, этапом в грандиозном эволюционном процессе. То, что человек всегда считал плодом собственных усилий – общество и культуру, на поверку оказывается превращенной формой его биологической природы, которую он не знает и не контролирует. Человек – это беспомощное, всеядное животное, получившее в обладание уникальные средства – оружие и абстрактное мышление, которые деформируют его естественные наклонности в неблагоприятном направлении, порождая все многообразие социальных проблем. Будучи представителем человеческого вида, любой отдельный человек не может не быть ничем иным, как проявлением надындивидуальной родовой основы – поведенческой генетической программы, где основную роль играют такие подпрограммы, как агрессивность, секс и альтруизм.

Они составляют глубочайшую детерминационную основу всех человеческих проявлений, вплоть до самых высших. В инстинктивных слоях, лишь косвенно доступных человеческому разуму, унаследованное и усвоенное образуют сложную структуру, которая не только состоит в теснейшем родстве с такой же структурой высших животных, но в значительной своей части попросту ей идентична. По существу, наше отличие от той лишь постольку, поскольку у человека в усвоенное входит культурная традиция. Из структуры этих взаимодействий, протекающих почти исключительно в подсознании, вырастают побуждения ко всем нашим поступкам, в том числе и к тем, которые сильнейшим образом подчинены управлению разума. Так возникают любовь и дружба, стремление к художественному творчеству и к научному познанию.

В 80-е годы XX в. основатель течения Уилсон (вместе с Ч.Дж. Ламзденом) создает *теорию генно-культурной коэволюции* (ТГКК), где интерпретирует "гены-организм-среду" уже в контексте культуры.

Здесь вводится понятие "культургена" – некоторых важнейших человеческих состояний, выделяемых по функциональному значению (труд, познание, искусство, вера), которые вроде как передаются генетически. Культургены взаимодействуют с меняющимися культурными условиями, в итоге этого возникают некоторые правила, которые регулируют формирование физиологии, соци-

ального поведения и особенностей познания людей в ту или иную историческую эпоху. Выделяются две формы подобных правил: первичные, автоматически формирующие ощущения и вторичные, обрабатывающие восприятия – память, воля и интеллект. Эпигенетические правила, "питаясь" культурной информацией, организуют работу мозга, всю жизнедеятельность индивида. Таким образом, ТГКК пытается обосновать положение о возможности генетической передачи некоторой важной части социального опыта: автоматизмов поведения, общения, предпочтений.

Как расценивать сциентификацию науки? Превращается ли она в "служанку науки", как ранее, в средние века, подвизалась в услужении религии? Это мнение поверхностных умов, философия всегда оказывается ускользающей от неминуемой гибели, многоликой, способной изменить изнутри своего противника, превратив его в нечто близкое себе, подняв его и "офилософив" его. Так было с прежним противником, религиозным монотеизмом, которого она, сочетавшись с ним в полуторатысячелетнем союзе, превратила в мощную религиозно-философскую традицию. Так происходит, судя по всему, и в случае сближения философии с наукой. Сама наука философски поднимается: от состояний-уровней эмпиризма – чувственности-наглядности и наивного реализма – к высшим уровням абстрагирования-рефлексии. Сначала она просто следовала, сама того не ведая, за философией, переоткрывая ранние ее обретения (системный подход Гегеля, кантовский трансцендентализм – как "антропоцентризм" познания, "естественную установку" Гуссерля и мн. др.)

Не следует, однако, думать, что и сама философия остается неизменной – она всерьез изменяется во взаимодействии с такими живыми и деятельными духовными формами, как религия и наука. Религия "обкорнала" ее горделивый античный рационализм, открыв ей глубины непостижимого и невыразимого, создав опыт душевного самопознания. Наука заставила философию быть строже к своим мыслительным и лингвистическим формам, указала на биопсихологическую подоплеку интеллекта и высших форм духа. В современных новых научно-философских гибридах – эволюционной эпистемологии, исследованиях по искусственному разуму, границам жизни, современной космологии, экологической этике, генной инженерии и др. – "дисциплинарные философии" уже опережают праматерь, прокладывая неторённые пути для рефлексии.

□ Автор статьи:
Красиков
Владимир Иванович,
докт. филос. наук, проф.
каф. философии КемГУ.
Email : krasikov@kemcity.ru